

В. И. НЕМИРОВИЧ-ДАНЧЕНКО И К. С. СТАНИСЛАВСКИЙ О ТЕАТРЕ

Когда В. И. Немирович-Данченко склонялся, что приходившие в Москву периферийные режиссеры желают с ним встретиться и поставить ряд вопросов, возникших перед работников театра, Владимир Ильинский сразу же называл время встречи.

— Исполнить это желание, — сказал он, — я считаю своим прямым долгом и прямой обязанностью. Обязанностью человека, который с действительною страстью живет театром и в течение всей своей жизни служит театру.

Согласился на встречу, Владимир Ильинский имел в виду другую, называемую — уйти из уст режиссеров, проехавших из разных уголков нашей страны, о том, как живут и работают периферийные актеры. Нельзя ли Ильинский Ильинский прочтут мемуары Н. И. Синявского. Большество имен, которые в мемуарах упоминаются хорошо известны Ильинскому Ильинскому. Многие из них одинаково. Перед глазами старейшего мастера прошли весь путь русского актера от 70-х годов, от эпохи Ариана и Несчастливцев до наших дней, когда советский актер, по выражению Владимира Ильинского, стал самым уважаемым человеком народа.

Неизменно встречая среди гостей режиссеров С. Н. Воронова, в прошлом актера Художественного театра, профессора сыгравшего в «Братьях Караваевых» роль Смирнова, а также в «Гамлетах Гордона Крота» — роль Роденхайма, Владимир Ильинский начал его распрашивали, сколько раз в год стоит сейчас периферийный театр, что это за шеши и т. д.

Узнав, что театр требует у него открытие пьес из репертуара Художественного театра, Владимир Ильинский шутливо замечает:

— За наши годы нетрудно увидеть, сколько работы уже в театре. Режиссеры умело переносят беседу на вопросы театрального порядка. Некоторые для самого себя Владимир Ильинский по изысканию человека, распоряжавшего своим собеседником, переходили в положение, отвечавшего.

Сколько времени работает актер Художественного театра над ролью? — спрашивает режиссер Бориса Красного театра.

— Примера с нас брать не надо, — говорит Владимир Ильинский, — у нас актеры изыскивались и дома почти не работают. Изыскивались и... режиссеры.

Немирович-Данченко вынужден прикрыть свою неудобственность таким несерьезным ответом: о каждом отдельном актере работе над ролью, некоторые режиссеры и работы над пьесой.

— Начала мы с того, — говорит он, — что я и Константин Сергеевич приходили к актеру не только с грохотом, но и с написанным планом. Режиссеры вспоминают «Юдифь Базар», например (он напомнил об этом в мюзикле), был весь испытан на мюзикльные противники режиссера, где кто стоит куда смотрит и т. д. Конечно, здесь было преувеличение. Но несомненно, какой-то план режиссер должен иметь раньше, чем он придет к актеру. Конечно, если режиссер имеет дело с крупным актером, ему в этом случае будет довольно трудно работать. Если же перед режиссером — ведущий молодежи, то тем больше разработки плаш, тем лучше.

Также мы для представления были у нас и в режиссерской работе за столом. Ильинский долго держал актера за столом, чтобы понять, в каком состоянии он сейчас. Он будет выступать в таком положении, и ему трудно будет выкладываться из него.

Режиссеры ставят вопрос Владимиру Ильинскому о простоте и театральности на сцене.

— Сейчас, — отвечает Владимир Ильинский, — я начал писать книгу для одного английского издательства. Я следил за путем, проходимым Художественным театром. Ему 37 лет. Колossalный возраст. За это время театр сделал много. Поступило в Художественный театр около сорока романов национальной литературы, от которых никто не может оторваться. И впрочем, в первые годы своей работы мы были уверены, что Малому театру краина, что патетика Малого театра, против которых мы выступали, дальше существует не смогут. Прямо 37 лет, и надо сказать, что книга еще там не блестит до всей своей непрекрасности эти старые штампы, как сейчас.

Немирович-Данченко говорит о большом желании этих штампов в практике отдельных актеров.

— Таких актеров, — замечает он, — я иногда могу наблюдать за их лицами, чтобы они на сцене выглядели — играли чувства, характеры, положения, слова и т. д. Наш же путь — ничего не играть. Актер должен прятаться на сцене всеми языком, если он в жизни, и тем же языком оставаться на сцене все время: говорить, ходить на сцене, действовать, как в жизни. Этому помогают приемы, такие называемые «секреты» Останиславского. Всю эту не может сложиться настоящий актер.

В Художественном театре также подавляется многое патетическое, и борьба с этим Ильинский считает одной из задач своей работы: борьба с начальными образами в штампах, с которыми другие проходят.

Режиссеры ставят К. С. Станиславскому пребывательно же те вопросы,

должен играть на сцене — образ или отношения к образу?

Немирович-Данченко дает четкий ответ:

— Нельзя играть отношения к образу. Но отношение к образу необходимо должно входить одним из величайших элементов в исполнение актера на сцене. Образ, создаваемый актером, помимо того, что должен быть правдивым и театральным (то есть выраженным зрительским залом), должен восприниматься и социальным.

Все это спектакль будет серым в туалете. 15 лет назад мы не думали о социальном подходе к образу, но мы делали это бескомпромиссно. Надо же говорить: это социальное отношение к образу должно показывать творческими способами, потому что театр лежит только перед глазами искусства. Тек и заканчивается исполнением В. И. Чакаловым роли Вардана во «Врагах», что он один из самых ярких актеров в мире.

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

Немирович-Данченко рассказывает, как он недавно просмотрел «Вишневый сад» и потом вспомнил актера.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе? Или со стихами Пушкина?

— Каково по вашему мнению, должно быть отношение режиссера к словам автора? — спрашивает И. А. Ростовская.

— Это тоже важнейший вопрос, — отвечает Владимир Ильинский, — и здесь также можно говорить о языках языках Художественного театра. В свою очередь, что можно говорить роль спокойных словами: не будь, если пожелал фразу, переставь слова, прибавьши что-нибудь от себя. Такое отношение к авторскому тексту и считать позером. Как можно тогда обращаться, например, со словами Горького, таким образом, чужими, с его фразами, построившим именно так, а не иначе

